

БИБЛИОМАНІЯ

КУЛЬТУРНО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

М. И. АЛЬБЕРТА.

Первое и единственное сочиненіе на русскомъ языкѣ
объ этомъ предметѣ.

ОДЕССА

ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ № 3.

1876.

№ 8474

БИБЛИОМАНІЯ

КУЛЬТУРНО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

М. И. АЛЬБЕРТА.

Первое и единственное сочиненіе на русскомъ языкѣ
объ этомъ предметѣ.

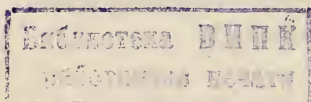
ОДЕССА

ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ № 3.

1876.

Дозволено цензурою. Одесса, 29-го Января 1876 года.

21414-17

БРАТУ СВОЕМУ

Осипу Израильевичу Альберту

и супругъ его

Ольгѣ Марковнѣ, урожденной Волфзонъ,

ВЪ ЗНАКЪ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ И УВАЖЕНІЯ

ПОСВЯЩАЕТЪ

сей трудъ

М. АЛЬБЕРТЪ.

21414-П

Библиотека ВЛПК
работников печати

ТРАКТАТЪ О БИБЛИОМАНІИ

Введеніе.

Нѣтъ ничего труднѣе соблюденія правилъ умѣренности и воздержности въ пользованіи даже самыми законными благами. Напрасно философія твердитъ: Ne quid nimis; изо всѣхъ ея правилъ, это есть правило найрѣже соблюдаемое.

Едва только человѣкъ успѣлъ заимать необходимымъ, какъ уже незамѣтнымъ образомъ стремится стяжать пріятное обиліе и скоро за тѣмъ протягиваетъ руки къ излишнему. Все возбуждаетъ его алчность и желанія его нѣтъ конца. Онъ окружаетъ себя различными предметами, исчерпываетъ всѣ виды, придерживается то одного, то другаго вкуса и ни на чемъ не останавливается. Эта жадность, разгорающаяся отъ малѣйшаго дуновенія, это непостоянство, порхающее съ листка на листокъ, порождаютъ всякія уродливости.

Никто не усомнится въ пагубныхъ послѣдствіяхъ эксцесса, хотя только смѣшнаго, если вспомнить, что эксцессъ этотъ влечетъ за собой тщеславіе, излишнюю роскошь и легкомысліе. Для того чтобы доказать, что эксцессъ заслуживаетъ полного порицанія, постараемся изобразить его въ самыхъ ясныхъ чертахъ.

Давно ужъ замѣчено было, что *всѣмъ* злоупотребляютъ и что въ особенности злоупотребляютъ всѣмъ лучшимъ: *Optimī pessima corruptio*. Злоупотребленіе хорошимъ вкралось и въ литературу. Занятіе чтеніемъ, дѣйствующее на человѣка просвѣщаю-

щимъ и направляющимъ образомъ, ни мало не обезпечиваетъ его отъ всѣхъ къ нему доступъ имѣющихъ напастей. Занятіе чтеніемъ, занятіе наиболѣе могущее способствовать облагороженію ума, рѣдко и слабо обнаруживаетъ это дѣйствіе.

Никогда еще не было столько книгъ всякаго рода и вида, сколько есть ихъ теперь, и при томъ, никогда прежде не встрѣчалось такое малое количество серьезныхъ читателей. Вообще нынѣ читаютъ для одной только забавы. Занятіе которому предназначено быть оплотомъ противу невѣжества и заблужденій, превратилось попросту въ противоядіе отъ скуки.

Въ наше время книги совершенно измѣнили своему назначенію. Эти памятники древней учености, эти драгоценныя сборники гениальныхъ произведеній, проводники науки и просвѣщеннаго вкуса, распространители облегченныхъ способовъ труда, толкователи, изошрители памяти, сѣятели талантовъ и добродѣтели, превратились въ мебель, собираемую только изъ за рѣдкости, купленную по дорогой цѣнѣ, выставленную на показъ.

Мы видимъ людей неспособныхъ къ серьезному чтенію, людей, у которыхъ обязательныя занятія отнимаютъ досугъ и притупляютъ вкусъ, которые однако не перестаютъ собирать книги.

Иные, болѣе способные пользоваться книгами, громоздятъ разнокалиберные томы въ ужасающемъ количествѣ, далеко превышающемъ уровень ихъ познаній.

Еще другіе, недовольные бесполезнымъ увеличеніемъ количества книгъ, изошряются въ присканіи самыхъ безупречныхъ по виѣшности и вообще самыхъ рѣдчайшихъ экземпляровъ, нисколько не отступая отъ трудностей, сопряженныхъ съ этимъ отысканіемъ и нисколько не пугаясь дороговизны.

Наконецъ есть еще такіе библіоманы, которые задаются страннымъ планомъ собранія всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо вышедшихъ сочиненій по одному и тому же предмету, книгъ нрѣдко содержанія бессмысленнаго или черезъ чуръ вольнаго.

Въ каждомъ изъ этихъ вкусовъ проглядываетъ родъ необуз-

данной фантазіи, болѣзнь, съ ея отличительными симптомами, ея припадками, ея усложненіями, ея горячкой и опасностями.

На самомъ дѣлѣ — обладать цѣлой арміей книгъ и не быть способнымъ ихъ читать или не находить въ себѣ желанія заняться ихъ содержаніемъ, не есть-ли это въ высшей степени странная манія? Накоплять кучи томовъ безъ надобности, безъ толку, не есть-ли это полный абсурдъ, напрасная возня? Собираеть книги только изъ за рѣдкости ихъ, изъ за красоты изданій, изъ за богатыхъ переплетовъ—излишняя роскошь, ни чѣмъ неоправдаемая причуда, разорительное мотовство. Отдавать предпочтеніе такимъ книгамъ, которыхъ единственное достоинство составляютъ курьезныя, а иногда только воображаемыя особенности ихъ содержанія или которымъ въ единственную, (и то отрицательную), заслугу, можно поставить развѣ только вредъ, приносимый ими добрымъ нравамъ и религіи,—есть чудачество, капризъ, превратное направленіе ума.

Подробное изслѣдованіе покажетъ намъ эти различныя уродливости въ надлежащемъ ихъ видѣ. Оно покажетъ намъ какъ смѣшны: неумѣніе сдѣлать хорошій выборъ и несоответственное накопленіе книгъ.

ГЛАВА I.

Желая дать вѣрный очеркъ библиоманіи, мы нисколько не затронемъ похвальное желаніе учиться и образоваться, пользу, приносимую учеными занятіями; ни на сколько не намѣрены умалять достоинствъ хорошихъ книгъ, заслугъ библиографіи или типографскаго искусства.

Нападая лишь на *злоупотребленіе* предметомъ, мы возвышаемъ его достоинство, мстимъ за его профанацію.

Первымъ въ этой области бросается намъ въ глаза человѣкъ безъ познаній, безъ дарованій, обладающій единственнымъ искусствомъ парадировать коллекціею книгъ, вслѣдствіе его невѣжества ни къ чему ему не пригодныхъ. Всмотримся пристальнѣе въ этотъ типъ, замѣчательный по своей странности. *Пожалуйста*, для чести литературы, объ этихъ сокровищахъ учености, которые попадаютъ въ руки профановъ, незнающихъ имъ ни цѣны, ни пользы.

Мы слишкомъ часто видимъ людей, неспособныхъ къ прилежанію и лишенныхъ всякаго знанія, приобретающихъ многотомныя библіотеки и выставяющихъ книги на показъ, обнаруживая этимъ, что у нихъ гораздо менѣе разсудка, чѣмъ денегъ и что никогда богатство не въ состояніи скрыть невѣжества. Я здѣсь не на химеру нападаю. Это весьма положительная смѣшная сторона, богатая примѣрами.

Одинъ писатель, четырнадцатаго столѣтія замѣтилъ, что эти невѣжественные любители доходятъ до увѣренности въ томъ, что вполнѣ знакомы съ содержаніемъ всего написаннаго или напечатаннаго въ принадлежащихъ имъ книгахъ. Заговорите

въ ихъ присутствіи о какомъ либо выдающемся сочиненіи, они тотчасъ объявляютъ, что оно находится въ ихъ власти. По ихъ понятіямъ, имѣть книгу въ кабинетѣ, или имѣть ея содержаніе въ головѣ—одно и тоже.

Они хвастаютъ пріобрѣтеннымъ ужасающимъ количествомъ томовъ. Конечно, личныя душевныя и умственныя качества не такъ легко оцунать какъ книги; да впрочемъ, если-бъ эти качества продавать, явилось ли-бъ на нихъ много покупателей?

Ни мало не интересуясь ни наукой, ни самоусовершенствованіемъ, эти люди щеголяютъ только внѣшностью. Можно было бы подумать, что для того, чтобы прослыть ученымъ, нужно только откупить у книгопродавца бібліотеку.

Впрочемъ, всякій знаетъ, что музы не охотно селятся въ палатахъ.

Ученые, издавна уже привыкшіе къ этому неудобству, пользуются по крайней мѣрѣ утѣшеніемъ, что слѣзное счастье, не можетъ подарить наукой своихъ любимцевъ и, на оборотъ, не можетъ лишить науки тѣхъ, къ которымъ оно не милостиво. Богатство никогда не ведетъ прямо къ учености и добродѣтели, иначе богачи превосходили бы всѣхъ познаніями и честностью. Опытъ показываетъ намъ почти всегда другую крайность. (*)

Слѣдовательно, безтолковое накопленіе книгъ ни къ чему не ведетъ. Громадныя книжныя сооруженія могутъ исторгать удивленіе только у простонародія. Хвастовство невѣжъ своими громадными книгохранилищами можетъ вызвать одно только презрѣніе. Невѣжу, хвастающаго своими книгами можно уподобить слѣпорожденному, пріобрѣвшему картинную галерею и ищущему репутаціи знатока живописи.

Что скажете о человѣкѣ, который, не будучи музыкантомъ и не имѣющій ни малѣйшаго желанія сдѣлаться музыкантомъ, убралъ бы свои комнаты всѣми возможными музыкальными ин-

*) *Ac profecto, si librorum copia doctos faceret aut bonos, doctissimi omnium, atque optimi essent, qui ditissimi, cujus sæpe contrarium videmus. Petrar. De libr. copia. Dial 43.*

струментами, превративъ такимъ образомъ свой кабинетъ въ музыкальный магазинъ. Потѣшно видѣть библіомана, не знающаго куда дѣвать свои деньги и время, усталого отъ нечего дѣлать, отъ внутренней пустоты, ставшаго постояннымъ посѣтителемъ библіотекъ, расхаживающаго изъ одной лавки въ другую, не пропускающаго ни одного книжнаго аукціона; разсматривающаго все попадающіяся ему книги но не знакомаго, можетъ быть, ни съ одною изъ нихъ; подымающаго цѣны на книги не какъ благо-разумный любитель, но какъ богачъ; готоваго платить золотомъ за книги, ему вовсе непригодныя, заграждая такимъ образомъ путь къ приобрѣтенію таковыхъ знатокамъ, въ нихъ нуждающимся. И вотъ онъ бѣжитъ съ ними домой, устанавливаетъ ихъ по мѣстамъ и—никогда болѣе до нихъ не дотрогивается.

Если-бъ эти книги могли говорить живымъ языкомъ, они-бъ горько намъ жаловались на свою судьбу, на то, что осуждены на такую долгую, убійственную бесполезность, на такое насиліе, на такое позстыдное рабство.

Если есть законный поводъ къ зависти, то этотъ поводъ можетъ имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ. Сколько есть любознательныхъ людей, которымъ положеніе ихъ не дозволяетъ покупать необходимыя книги. Съ другой стороны, сколько богатыхъ людей, приобрѣтающихъ книги безъ разбора и хранящихъ такія безъ надобности. Точно танталы, не могущіе утолить жажды посреди водъ: скряги, накопляющіе сокровища, которыми не умѣютъ пользоваться, слѣпыя, составляющіе коллекціи вещей, которыхъ никогда не увидятъ.

Разсказываютъ, что французскій король, Людовигъ XI, узнавъ, что нѣкій малограмотный приобрѣлъ рѣдкую и обширную библіотеку, сказалъ: «вотъ вѣрный портретъ горбатаго. Онъ не-сетъ съ собою незримый имъ и ненужный ему избытокъ.»

Эта смѣшная сторона человѣческаго характера, которая такъ легко замѣчается и такъ легко порицается въ другихъ, на равнѣ съ другими людскими пороками, совершенно неизвѣстна тѣмъ, которые дѣлаются ея жертвами. Здѣсь чело-вѣкъ безгра-

мотный находить для себя честь какъ разъ въ томъ, что его дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ другихъ. Онъ съ гордостью показываетъ любопытнымъ литературныя сокровища, которыми обладаетъ. Кажется, что ему пріятно показывать плѣненныхъ музъ находящихся подъ его слѣпымъ владычествомъ.

Но чѣмъ долѣе онъ будетъ ихъ держать въ рабствѣ, тѣмъ менѣе онъ будетъ достоинъ ихъ общества.

Если не тщеславіе заставляетъ собирать книги, въ которыхъ вовсе не нуждаются, такъ, можетъ быть, это дѣлается съ цѣлью, разукрасить комнаты? Но давно ли лѣтописи науки стали мебелью. Это значить, ставить понятія о вещахъ вверхъ ногами и употреблять вещи вовсе не для той цѣли, для какой они предназначены. Впрочемъ, и это уродливое явленіе въ свѣтѣ не рѣдкость.

Разбогатѣвшій отъ торговыхъ оборотовъ, либо отъ доходнаго мѣста и за тѣмъ пріобрѣвшій за деньги дворянскій титулъ хочетъ сверхъ того еще сдѣлаться человѣкомъ всякихъ вкусовъ. И вотъ появляются на сцену книги, картины, эстампы, дорогія вазы, англійскіе сады, натуральные кабинеты, коллекціи медалей. Ему всего подай! Но къ несчастію онъ, кромѣ богатства, ни чѣмъ болѣе не можетъ заявить своихъ правъ на обладаніе всѣми этими вещами.

Незабвенный Лабрюэръ въ свои дивные характеры включилъ и этотъ типъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ на этотъ счетъ. «Нѣкто объявляетъ мнѣ, что у него есть библіотека. Я выражаю желаніе видѣть ее. Въ слѣдствіе этого я попадаю въ домъ, гдѣ уже на лѣстницѣ задыхаюсь отъ запаха, издаваемого новыми сафьянными переплетами. Онъ не перестаетъ мнѣ твердить, что всѣ книги у него съ золотымъ обрѣзомъ, съ золочеными корешками, лучшихъ изданій; исчисляетъ поименно одно изданіе за другимъ; говоритъ, что всѣ полки у него набиты биткомъ и что, даже на единственныхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ неудобно было помѣщать книги, подѣлана живопись, совершенно вѣрно изобра-

жающая размѣщенные на полкахъ, будто бы, книги, такъ что глазъ приводится въ заблужденіе; подъ конецъ же добавляетъ, что никогда въ эту галерею не заглядываетъ и что на этотъ разъ идетъ туда собственно для меня, чтобъ мнѣ сдѣлать удовольствіе. Я благодарю его и, подобно ему самому, *не желаю видѣть* его кожевни, которую онъ называетъ библіотекой. *) Поэтому не слѣдуетъ удивляться, если подобные люди покупаютъ книги на вѣсъ или на кубическую мѣру, оставляя безъ разбора качество и содержаніе ихъ, съ единственною цѣлью, убрать ими полки или прикрыть ими стѣны салона. Точно эти драгоценныя склады мысли, назначеніе которыхъ питать умъ, не заслуживаютъ, чтобъ ихъ отличали отъ мертвыхъ предметовъ. Это злоупотребленіе коренилось еще во времена Сенеки. Какъ простить это упрямство, говоритъ Сенека, людямъ не знакомымъ съ элементарными началами человѣческихъ знаній, употребляющимъ на разукрашеніе своихъ комнатъ то, что годно для образованія ума, для облагороженія души, причисляющимъ къ мебели низшей категоріи то, что должно служить для меблировки памяти, для просвѣтленія мысли; собирающимъ сочиненія греческихъ и латинскихъ авторовъ, не зная этихъ языковъ, не имѣя даже никакого понятія о вещахъ, о которыхъ трактуется въ этихъ сочиненіяхъ и не способнымъ питаться въ этихъ книгахъ основательными мыслями. Они жирѣютъ отъ страннаго удовольствія, которое испытываютъ, любуясь помѣщенными на спинкахъ книгъ, золочеными заглавіями и симметриею и искусствомъ, съ которыми книги разставлены.

Къ подобнымъ типамъ можно прибавить еще гордость свойственную всѣмъ фальшивымъ знатокамъ, имѣющимъ гордую привычку, выставять себя. тѣмъ, отъ чего они въ дѣйствительности очень далеки и уважать то, чего не понимаютъ.

*) Caractères. Chap. de la mode.

Но если отъ собранія книгъ, такимъ смѣшнымъ образомъ посвященныхъ тщеславію, мы перейдемъ къ тѣмъ, которые въ болѣе приличномъ порядкѣ разставлены въ кабинетахъ нашихъ литераторовъ, то встрѣтимъ другія безобразія. Здѣсь мы увидимъ кучу томовъ, совершенно понапрасно доведенныхъ до громаднаго числа.

ГЛАВА II.

Вооружаясь противъ страсти накопленія книгъ, я ни мало не мечу на библіотеки царскія, публичныя, городскія или общинныя. Такого рода библіотеки составляютъ исключеніе. То что составляетъ славу королей—во многихъ случаяхъ не подобаешь подданному. Царственнымъ особамъ учрежденіе большихъ библіотекъ приносить честь: оно характеризуетъ ихъ стремленіе къ общественному благу и ихъ щедрость.

Для общинъ, состоящихъ изъ людей, владѣющихъ разнородными познаніями, требуются обширныя разнохарактерныя библіотеки. Эти святилища литературы составляютъ неизсякаемый источникъ преуспѣянія наукъ, когда врата къ этимъ святилищамъ открыты тѣмъ, кто при врожденномъ дарованіи охотно изучаетъ предметъ, съ любовью трудится и кому, для того, чтобъ эти зародыши приносили плоды, не достаетъ одного только благотворнаго вліянія богатства. Вотъ гдѣ дѣйствительно изобиліе перестаетъ быть зломъ, гдѣ множество прямо уже требуется. Многія царственныя особы обезсмертили себя учрежденіемъ библіотекъ. Первую, упоминаемую въ древнихъ лѣтописяхъ, библіотеку, основалъ Египетскій царь Османдіасъ. Онъ приказалъ снабдить ее крупною надписью: *ψυχῆς ἰατρεῖον*, *Medica animae officina*. *)

Птоломей Филадельфъ, заботами Дмитрія Фалерійскаго устроилъ библіотеку въ Александріи: въ этой библіотекѣ по свидѣтельству многихъ историковъ, было до 700,000 томовъ. Большая

*) Diodor. Sicul. lib. 7.

часть этихъ книгъ погибла отъ огня во время войны, ведомой Цезаремъ противъ сыновей Помпея.

Афинскій тиранъ Пизистратъ учредилъ значительную библіотеку, которую приказалъ открыть для всѣхъ.

Первая въ Римѣ библіотека привезена туда Павломъ Эмилиемъ. Плутархъ замѣчаетъ, что этотъ великій полководецъ, побѣдивъ Персея, царя Македонскаго, презрѣлъ всѣ сокровища, даваемые ему въ руки побѣдой, но не пренебрегъ присвоеніемъ принадлежавшихъ Персею книгъ. (*)

Лукуллъ, римскій гражданинъ, владѣвшій несмѣтными богатствами и прославившійся роскошью и щедростью, основалъ библіотеку, которую открылъ посѣщенію согражданъ и чужестранцевъ, стекавшихся туда во множествѣ и занимавшихся тамъ учеными трудами.

Библіотека Ватикана и Луврская считаются знаменитѣйшими и величайшими изъ существующихъ нынѣ въ мірѣ. Царственные особы и вельможи соперничали въ славѣ принадлежащей распространителямъ этихъ литературныхъ памятниковъ на общую пользу. Въ Парижѣ, напр., ихъ довольно много: этотъ городъ своимъ величественнымъ видомъ обязанъ отчасти заключающимся въ его стѣнахъ библіотекамъ, входъ въ которыя открытъ всѣмъ любопытнымъ.

Но для чего же частнымъ лицамъ заводить великолѣпіе, подобающее однимъ царственнымъ особамъ.... Ничего еще если подобное великолѣпіе заводятъ отъ своего имени цѣлыя общества. Но число книгъ, необходимыхъ отдѣльному гражданину весьма ограничено. Все, что переходитъ за эту границу—лишнее, или свидѣтельствуетъ о глупомъ тщеславіи.

Нѣтъ человѣка, который бы могъ всему выучиться. Также нѣтъ человѣка, который бы могъ похвалиться, что все знаетъ. Провиденіе скупно надѣлило людей дарованіями, снабдивъ каждаго извѣстной долей, чрезъ что произошла благодѣтельная зависимость однихъ людей отъ другихъ: только этимъ взаимнымъ под-

*) Plutarch. in aemilo.

чиненіемъ—какъ извѣстно, поддерживаются людскія отношенія.

Сообразно этому плану, однимъ дарована способность, постигать тайны природы, измѣрять пространство, проникать въ глубину земли и морей, наблюдать теченье свѣтилъ, придумывать полезное и любопытное примѣненіе механики, познавать устройство человѣческаго организма, лечить и оперировать его; или же изучать законы и правила гражданской жизни, права и обязанности общества: размышлять о духовномъ человѣкѣ, изучать его существо, природу его души, его страсти, всѣ мотивы, составляющіе его дѣйствовать такъ или иначе.

Другіе, умъ которыхъ влекомъ къ болѣе возвышенной дѣятельности, парятъ въ области теозофіи, стремятся къ познанію творца вселенной, какъ для усиленія вѣры, такъ и для созерцанія Всевышняго въ его безсмертныхъ дѣлахъ.

Еще другіе получили въ удѣлъ способность, хорошо писать и говорить; преимущество, овладѣвать душой, плѣнять сердце обаяніемъ краснорѣчія или поэзіи. Они изучаютъ языки, дѣлаются гражданами всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Иные пробѣгаютъ скорымъ, рѣшительнымъ и вѣрнымъ шагомъ обширную карьеру исторіи; ихъ критическія изысканія облагаютъ данью всю древность. Иные наконецъ изощряются въ полезныхъ и пріятныхъ искусствахъ. Всѣ эти искусства имѣютъ, впрочемъ, одинъ источникъ, но дѣлятся на многія вѣтви. Усовершенствованія этихъ искусствъ требуютъ столькихъ-же дарованій.

Литтература, это арена, въ которой каждый участвующій играетъ роль одному ему свойственную. Ему предоставлено избрать то, что болѣе согласуется съ его врожденнымъ вкусомъ, гениемъ и воспитаніемъ имъ полученнымъ; но разъ избравъ путь, нужно упорно слѣдить по немъ, если надѣяться на успѣхъ. Кто захочетъ все знать, все изучать—не устоитъ въ своемъ предпріятіи, окажется неспособнымъ служить обществу по какой бы то ни было отрасли; ибо преслѣдуя все, онъ ничего вполне не изучитъ.

Для чего же, при этой неизбѣжной ограниченности человѣ-

ческаго ума дѣлать коллекціи всякаго сорта, если часть, которою онъ можетъ овладѣть исчерпывается малымъ.

Осматривая книги библіотеки, я по догадкамъ составляю себѣ понятіе о дарованіяхъ человѣка, которому эти книги принадлежатъ. И дѣйствительно, къ чему напр., землемѣру, богословскіе трактаты или оратору учебники физики. Эта разнокалиберность слишкомъ разсѣваетъ вниманіе и обременяетъ память, не обогащая ее; отуманиваетъ сужденіе во мѣсто того, чтобъ его прояснить, вредитъ успѣхамъ знанія.

Такъ какъ невозможно прочесть всѣ тѣ книги, которые можно имѣть, то нужно имѣть только тѣ, которые можно прочесть. (*)

Не изъ многихъ книгъ извлекается знаніе, а изъ хорошихъ :

Кто то сказалъ, не спорьте ни съ кѣмъ объ одной книгѣ. *Save ab homine unius libri* : онъ на столько упитался ея содержаніемъ : она на столько перешла въ его плоть и кровь, что онъ сталъ ужасенъ и непобѣдимъ для всѣхъ, желающихъ спорить съ нимъ объ этомъ предметѣ.

Напротивъ того, кто читалъ многое, кто пускался во всякія доктрины и кто, такъ сказать, вкусилъ отъ всякаго цвѣтка, тотъ объѣлся и заболѣеть, во мѣсто того, что простою нищею онъ укрѣпился бы. Чтеніе веденное благоразумно обогащаетъ умъ, а дурно понятіе и слишкомъ разнovidное чтеніе ведетъ къ искаженію ума. Духъ, измученный комбинаціею идей, испытываетъ, на равнѣ съ переполненнымъ желудкомъ, извѣстнаго рода пересыщеніе, болѣе несносное, чѣмъ голодъ.

Нельзя достигнуть цѣли если избрать извилистый путь, слѣдовать закоулками. Хотѣть вездѣ быть—равносильно нигдѣ не быванію. Расхаживающій по сторонамъ лишается времени для отдыха въ дорогѣ и, подобно страннику, проводить всю жизнь въ

*) *Cum legere non possis, quantum habueris. sat est habere quantum legas.* Senec. op. 2.

пути. Онъ встрѣчаетъ въ дорогѣ пристанище, но не можетъ пользоваться покоемъ.

Людей, порхающихъ такимъ образомъ по книгамъ, можно сравнить и съ людьми, прибѣгающими ко всемъ за совѣтомъ и никому не довѣряющимся, имѣющимъ многихъ совѣтниковъ, но не имѣющимъ друзей. Апулей называетъ ихъ *Curiosulos*, а Цицеронъ *Helluones librogum*. Они пробѣгаютъ всѣ области литературы, довольствуясь скорымъ и поверхностнымъ чтеніемъ безъ разбора.

Но вѣдь съ человѣкомъ бываетъ тоже, что съ растеніемъ; отъ частаго перемѣщенія онъ можетъ только пострадать. По этому, нечего и удивляться, если лица, имѣющія большія бібліотеки, менѣе всего занимаются чтеніемъ. Развѣ человѣкъ, утопающій въ книгахъ, можетъ найти время для *чтенія*?

Найдется, пожалуй еще досугъ просмотрѣть нѣсколько каталоговъ. Едва ли хватить всей его жизни для ознакомленія одними только заглавіями всѣхъ книгъ, именами авторовъ, типографчиковъ и различными числами изданій. Подобная работа неминусемо исключаетъ всякое другое серьезное занятіе.

Что можно подумать о генералѣ, который солдатъ своихъ знаетъ по однимъ только именамъ и по росту; который потерялъ сраженіе вслѣдствіе излишней надежности на большое число сражающихся, во мѣсто того, чтобы выбрать понятливѣйшихъ и смѣлѣйшихъ воиновъ.

То же самое можно сказать объ ученомъ. Онъ ошибается, когда думаетъ, что дѣлаетъ новыя завоеванія въ области наукъ всякій разъ какъ увеличиваетъ свою бібліотеку нѣсколькими томами, можетъ быть совершенно бесполезными.

Но нѣкоторые бібліоманы отвѣтятъ мнѣ: я покушаю только мнѣ лично пригодныя книги, книги выпадающія въ жанръ моихъ знаній. По этимъ рѣчамъ можно бы заключить, что этотъ человѣкъ ограничился въ своихъ вкусахъ, умѣрился въ своихъ желаніяхъ. Ничуть не бывало. Онъ хотя и не собираетъ книгъ слишкомъ разнородныхъ, ограничиваясь своей спеціальностью; но

по этой именно спеціальности онъ успѣлъ заботиться въ каменоломню, которой нѣсть конца. Онъ пріобрѣтаетъ всякій сюда принадлежащій трактатецъ : все у него найдете, такъ что коллекція все таки выйдетъ громадная.

Иной весь отдается беллетристикѣ и хочетъ имѣть все сюда относящееся : грамматику, поэзію, краснорѣчіе, филологію, критику, исторію, полиграфію, всего ему подай. Къ этому прибавьте множество разныхъ изданій одного и того же сочиненія. Нужно, по его понятіямъ, имѣть всѣ сочиненія, выпущенныя извѣстной типографіей.—Если-бъ къ такой коллекціи не доставало одной какой-либо книги, то это привело бы иного библіомана къ отчаянію.... Любимая книга, идеаль его сердца, предметъ столькихъ заботъ, столькихъ розысковъ, не нашлась.... Онъ говоритъ, что безуспѣшно розыскиваетъ ее ужъ болѣе двадцати лѣтъ. Это ужасно!... Лишеніе одной этой статьи способно бросить тѣнь на все имъ уже собранное. Ему нестерпимо видѣть малѣйшую отрасль не вполне ассортированную.

За тѣмъ, нужно же собрать все, что написали всѣ древніе и новыя писатели. Необходимо имѣть Цицероновъ всѣхъ видовъ, Горациевъ всѣхъ сортовъ : экземпляры съ однимъ только текстомъ. Ему нужны и *variogum* и *ad usum*, и Фарнабы и Бурманы ; и многоязычные переводы.

Въ особенности необходимо собрать всякіе лексиконы, журналы, комментаріи, вытяжки, сокращенія. Благодаря обычаю нашихъ вѣковъ, печать производитъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изданій однихъ и тѣхъ же авторовъ. Угодно-ли большихъ, малыхъ? Мануаловъ или карманныхъ? Есть множество разныхъ о многихъ матеріяхъ. Библіоманы впрочемъ и не выбираютъ. Они покупаютъ все.

И на самомъ дѣлѣ, развѣ это значитъ ограничиться необходимымъ, если этому необходимому дать такую растяжимость. Ненасытимость есть самый вѣрный признакъ больной души. Но множество книгъ нынѣ наводняющихъ рынокъ не мало способствуетъ этой болѣзни.

Взгляните на это чудовищное количество сочинений, печатающихся по всѣмъ отраслямъ и обо всѣхъ предметахъ: которые подъ искушающей вѣщиностью новизны часто содержатъ одни только вѣчныя повторенія стараго; сочиненія являющіяся то съ многотомной свитой, данной имъ неутомимымъ комментаторомъ, то съ сухостью и краткостью, иногда темною, суммаріевъ и эпитомовъ. Здѣсь мѣста слишкомъ обрѣзаны; тамъ слишкомъ много цитатовъ.

Взгляните на эти переводы, испещренные вариантами и бесполезными примѣчаніями, разъясненія гораздо болѣе длинныя и менѣе ясныя, чѣмъ самый текстъ: громадныя компиляціи, достойный плодъ механическаго труда, грубая работа писака.

Нужно признаться откровенно: какъ вырожденіе авторскаго тщеславія, всѣ эти произведенія, доставляемые намъ издателями съ такою готовностью, подъ разными видами—такое-же число сѣтей, положенныхъ любопытству общества.

Какъ часто эти многообѣщающія заглавія, эти предувѣдомленія вызываютъ самое непріятное разочарованіе? Сколько чело-вѣкъ обмануто прекрасными обѣщаніями, помѣщенными въ предисловіяхъ, объявленіяхъ объ исправленныхъ и пополненныхъ изданіяхъ и всѣми вообще типографическими метаморфозами: вредныя для кармана и времени мистеріи, заслуживающія разработки въ отдѣльномъ сочиненіи. Здѣсь ограничимся главными замѣчаніями по этому предмету.

Вопросъ о томъ, принесло-ли изобрѣтеніе книгопечатанія прогрессу литературы и возвышенію нравственнаго уровня болѣе пользы чѣмъ вреда, остается нерешеннымъ. Все что можно сказать, это то, что печатается громадное количество книгъ, а количество хорошихъ книгъ очень незначительно.

Пробѣжимъ бѣглымъ взглядомъ ихъ различные виды и мы узнаемъ, что если нѣкоторыя существованіемъ своимъ обязаны истинѣ, разуму, знанію, мудрости и добродѣтели, то многія другія суть плоды невѣжества, заблужденія и даже неблагочестія. Сколько такихъ изъ которыхъ слѣдуетъ выбросить семь осьмихъ

содержанія, если устранить изъ нихъ все то, что задѣваетъ святость религіи, права человѣчества, законы честности, строгое нравственное приличіе, историческую истину, правила здравой политики и мудраго управленія, наконецъ правила благоразумія и вкуса.

На что можно надѣяться и чего не слѣдуетъ бояться, когда рѣшаются собрать все и вся безъ различія? Что же изъ этой безобразной, сплошной чудовищной массы летучихъ надменныхъ произведеній, порождаемыхъ блуждающимъ человѣческимъ умомъ, что же, спрашиваемъ, остается изъ этого всего жадному и поверхностному читателю, кромѣ кучи смѣшанныхъ мыслей, гораздо болѣе способныхъ мутить и тревожить его воображеніе, чѣмъ обогатить его умъ.

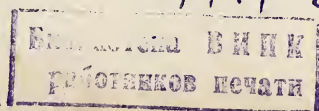
Мысли находятся въ постоянномъ между собой разладѣ вслѣдствіе разнокалиберности ихъ сбора; они, взаимоударяясь, тотчасъ одна отъ другой отскакиваютъ; отъ этого боя они взаиморазрушаются и наконецъ исчезаютъ, подобно облаку, разсѣянному вѣтромъ.

Иллюзіи, оставляющія въ душѣ одни отпечатки лжи и случайностей. Необъятный и темный хаосъ различныхъ чувствъ, противорѣчій, сомнѣній, предразсудковъ, миѣній и системъ, въ которыхъ трудно отличать добро отъ зла, истину отъ лжи.

Вотъ обыкновенное дѣйствіе, производимое ложной свободой мысли, чесаніемъ руки, влекомой къ сочиненію книгъ и, по неизбѣжной послѣдовательности, страсти къ книгамъ.

Значить, изъ множества нужно выбрать одни хорошіе и пользоваться разумно. Отдавать имъ заслуженную честь и, бросивъ презрительный взглядъ на остальное, сказать съ философomъ: *Eheu, quantis non indigeo*. Излишество не только не возбуждаетъ во мнѣ зависти, напротивъ, я совершенно къ нему равнодушенъ.

Повторяю, нужно жалѣть о тѣхъ, которые ищутъ эту крайнюю полноту; ихъ слѣдуетъ считать трудно-излечимыми больны-

ми. И точно нельзя себя составить иного понятія о человѣкѣ, который выбивается изъ силъ, чтобы наполнить тысячами томовъ комнаты, въ которыхъ могли бы помѣститься три семейства. Посреди этого хлама мнѣ мерещится человѣкъ одержимый книжною болѣзнию; мнѣ кажется, что предомной скупой, взваливающей сокровища на сокровища и никогда ими не пользующійся и со всею свойственною ему жестокостью отказывающій и другимъ въ пользованіи ими.

Библиоманъ не рѣдко доводитъ эту завистливую жадность до ужасающихъ размѣровъ. Чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ приобрѣтеній, тѣмъ менѣе онъ ими пользуется и еще менѣе расположенъ надѣлять ими другихъ, хотя бы только на короткое время. Здѣсь стыдно быть щедрымъ, потому что здѣсь можно не скупиться, нисколько не рискуя обѣднѣть.

Но это замѣчаніе едва-ли по вкусу человѣку, менѣе завистливому къ пользованію, чѣмъ къ владѣнію. Онъ прямо заслуживаетъ названіе библиотафа. Дѣйствительно, эти люди на столько боятся показать другимъ свои книги, что кабинетъ ихъ можно назвать книжной гробницей.

Какая-жъ цѣль его, если не желаніе насыщаться удовлетвореніемъ прихоти, приносящей ему мало пользы и запрещающей ему обязывать другихъ? Для кого строилъ онъ это литературное зданіе, различные матеріалы котораго стоили ему такихъ розысковъ, усилій и денегъ. Онъ этого не знаетъ. *Thesaurizat et ignorat cui congregabit ea**). Чуть-ли не для кого нибудь изъ своихъ будущихъ наслѣдниковъ, который ни мало не дорожа подобнымъ наслѣдствомъ, прямо превратитъ его въ деньги.

Тогда эти ассортименты, собранные съ такою трудностью, разбредутся по разнымъ угламъ и никогда болѣе не встрѣтятся, разбредутся къ разнымъ хозяевамъ, по разнымъ отдѣламъ. Напрасно первый владѣлецъ надписывалъ свое имя на заглавныхъ

*) Psalm 38. 10.

листахъ и добавлялъ къ нему свои чины; всѣ эти надписи: *ex libris, ex bibliotheca* послужать только къ обнародованію его тщеславія и его сѹмасбродства.

Но это еще не все. Есть еще чему посмѣяться.

Любовь къ книгамъ увлекаетъ еще въ совершенно другаго рода злоупотребленія: ибо нѣтъ вкуса безъ варьяцій, нѣтъ преобладающей страсти безъ корыстныхъ цѣлей.

Нерѣдко видимъ литераторовъ, которые безчестятъ свою профессию безумнымъ непостоянствомъ, либо недостойной торговлей. Они скоро теряютъ вкусъ къ своимъ книгамъ, ихъ начинаетъ тянуть все только къ чужимъ, и вотъ они начинаютъ обмѣнивать книги на книги. Благодаря вѣчнымъ фантазіямъ, они продаютъ по ничтожной цѣнѣ необходимое и покупаютъ по дорогой цѣнѣ бесполезное. Ихъ кабинетъ подвижная картина, на которой почти никогда не увидите два раза однихъ и тѣхъ-же предметовъ. Другіе, во что бы то ни стало, ищутъ случая пріобрѣсть книги по низкой цѣнѣ. Они пользуются незнаніемъ или нуждой сбывающаго книги, въ корыстной надеждѣ, найти послѣ того покупателей мало опытныхъ или слишкомъ охотливыхъ и этой неприличной торговлей обогатиться. Достояніе ума превращается въ орудіе маклашества.

О, благородный и рѣдкій талантъ, превращающій философа въ книгопродавца! *Pulchra sana ars, quae de philosopho librarium facit.* Ненасытная промышленность, постыдная торговля, достойный предметъ общаго презрѣнія, крайняя любостыжаемость которая ставитъ въ опасное положеніе даже самую честность и изъ цѣнителя искусства дѣлаетъ низайшаго торгаша.

*) Petrarc. de libr. cop. Dial. 44.

ГЛАВА III.

Любовь къ книгамъ, обратившаяся въ страсть, есть неисчерпаемый источникъ капризовъ и чудачества.

Мода, эта легкомысленная повелительница міра, какъ по всюду, такъ и здѣсь пользуется абсолютною властью: роскошь, притворная тонкость вкусовъ и мотовство проникли въ самыя святилища музъ.

Войдемъ въ кабинетъ одного изъ этихъ записныхъ библиомановъ и нашему изумленому взгляду представится все, что преса произвела рѣдкаго и хорошаго; прекрасныя изданія Альдовъ, Платиновъ, Васкозановъ, Эльзевировъ, Витре, Мабровъ (Mabre-Cramoisy); здѣсь съ большимъ стараніемъ собраны все изданія пятнадцатаго столѣтія, эпохи начала книгопечатанія (Incunabula. (*).

Правда, что книги эти, отличающіяся въ особенности красотою бумаги, прекрасною отчетливою печатью, имѣютъ дѣйствительныя достоинства, цѣну, которую нельзя назвать произвольною. Но любитель изъ записныхъ, въ родѣ описаннаго Цицерономъ, называющимъ его *agrem amatorem* (**), отлично съумѣетъ повысить цѣну на нихъ вразсужденіе случайныхъ достоинствъ, которыя откопаетъ въ нихъ его чрезъ чуръ изысканный вкусъ. Кромѣ того записной библиоманъ, для украшенія своей библіотеки платитъ громадныя цѣны за *unica* или единственные, очень рѣдкіе экземпляры. Онъ увѣренъ, что владѣніе книгой, имѣю-

*) Съ 1440 г.

**) Cicer. ad Attic. lib. 1. ep. 3.

щейся въ единственномъ экземплярѣ, независимо ея содержанія, должно оплачиваться на вѣсь золота. Впрочемъ, такой экземпляръ, можетъ быть какъ разъ потому и сталъ рѣдкимъ, что *одинъ* минулъ постыднаго пути, по которому отправляются плохія сочиненія или же потому, что случай истребилъ все остальные экземпляры этого изданія. Какъ не подумать, что лучшія книги чаще всего попадаютъ въ продажѣ; что интересы публики, связанные съ интересами книгопродавцевъ, не дадутъ известись хорошимъ сочиненіямъ. Если станемъ утверждать, что книги, печатавшіяся не болѣе одного раза, заслуживаютъ особеннаго вниманія, то этимъ только покажемъ, что ничего не смыслимъ въ литературномъ дѣлѣ.

Тоже самое можно сказать и о манускриптахъ, сохраненіемъ своимъ обязанныхъ одному капризу. Конечно, есть и по истинѣ драгоценныя манускрипты, изъ которыхъ многіе составляютъ дѣйствительно нѣчто единственное въ своемъ родѣ, манускрипты сохраняющіеся съ особенною заботливостью въ нашихъ извѣстныхъ библіотекахъ и служащіе украшеніемъ царскихъ книгохранилищъ. Но за то, сколько другихъ, неудостоенныхъ печатанія и которыхъ рѣдкость можно приписать именно только презрѣнію къ нимъ питаемому. Въ своемъ *Temple du Goût* Вольтеръ такъ выражается о нихъ :

L'amas curieux, bizarre
De vieux manuscrits vermoulu,
Et la suite inutile et rare
D'écrivains qu'on n'a jamais lu.

Розыски нашихъ любопытныхъ этимъ не ограничиваются. Они особливо чествятъ книги одинъ только разъ бывшіе въ переплетѣ. Они особенно ухаживаютъ за такими переплетенными экземплярами, у которыхъ встрѣчаются еще листы, приставшіе другъ къ другу крайними бортами или же за такими, которыхъ поля вовсе не обрѣзаны. То что собственно можетъ считаться недостаткомъ, здѣсь ставится въ достоинство. Такое, по ихъ понятіямъ, драгоценное преимущество, оберегается ими въ ущербъ

самаго пользованія книгой ; эти крайніе библіоманы считаютъ обрѣзываніе листовъ смертоубійствомъ. Точно, будто-бы, сдѣлать книгу годноюкъ употребленію, значило бы совершенно ее испортить.

Что думать о страсти къ большимъ полямъ, къ изданіямъ, печатаннымъ на бумагѣ большого формата? Размѣры полей опредѣляются возможностью отдать нѣсколько разъ одну и ту же книгу въ переплетъ и такимъ путемъ на долго сохранить ея употребленіе. Но чудачество, плодovitое на выдумки перестушило и за эти границы и метивъ пользы повлекъ за собой причудливый обычай, дорожить полями въ 3 вершка.

Люди, ищущіе въ чтеніи умственнаго совершенствованія или даже только забавы, должны бы, кажется предпочитать книги, въ которыхъ менѣе пустаго пространства. Но ихъ за это не хвалятъ. Мода требуетъ, чтобы на страницахъ было болѣе бѣлыхъ, чѣмъ печатныхъ мѣстъ.

Любопытный примѣръ этаго рода представляетъ изданіе институтовъ Іустиніана, въ которыхъ полямъ дано болѣе мѣста чѣмъ тексту : великолѣпное средство, выручать большія деньги за чистую бумагу.

Чего чего ужъ не повывдумывали для щеголянія новизной и оригинальностью и для возбужденія любопытства. Выдумали употреблять для напечатанія нѣкоторыхъ избранныхъ книгъ такія малыя буквы, что отъ чтенія ихъ заболѣваютъ глаза, такъ что рискуешь ослѣпнуть ; литеры, употребленныя для печатанія ихъ до такой степени мелки и тонки, что едва выдерживаютъ нѣсколько оттисковъ. Вслѣдствіе этого такія изданія, имѣющіяся въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, стали очень рѣдки и дороги*). Новый триумфъ для нашихъ библіомановъ.

*) Напр. Phaedri fabulae, et Publ. Syri Sententiae, Parisiis, e typographia regia 1729 in 32.

— Quint Horatii Flac. opera, e typ. reg. 1733 in 32.

— M. Tul. Ciceronis, de amicit. dialogus, Parisiis. Bauete 1750 in 32.

— M. Tul. Ciceronis Cato major, Parisiis, Barbon, 1758, in 32

Изъ одной крайности перешли въ другую. Печатаютъ въ нѣсколькихъ томахъ in folio книги, издававшіяся всегда въ одномъ томѣ и въ 12-ую долю или даже въ 24-ую. Подражаніе Христу, печатанное въ большомъ форматѣ и большими буквами нынѣ стало истинною кабинетною рѣдкостью*). Едва ли кто либо вздумаетъ предаваться духовнымъ упряженіямъ по книгѣ, увеличенной до такихъ чудовищныхъ размѣровъ; это твореніе, для удобства читателей должно было остаться въ рангѣ малыхъ ручныхъ книгъ.

Собраніе басенъ Лафонтена, какъ руководство для юношества появилось вначалѣ въ одномъ томѣ малаго формата, но для оригинальности и, Богъ вѣсть, для какаго шика, поспѣшили выпустить ихъ въ новомъ четырехтомномъ изданіи большаго формата in folio такой художественной отдѣлки, что далеко не всякому можно его приобрѣсти**).

Достоинства этого сочиненія слишкомъ ужъ были извѣстны и до того. Эта метаморфоза въ громадное ничего не прибавила къ славѣ автора, ни къ уваженію, завоеванному имъ своимъ произведеніемъ. Это новое изданіе послужитъ только для того, чтобы показать, къ какимъ фокусамъ должны прибѣгать типографчики для удовлетворенія прихотливаго вкуса нашихъ любителей.

Само собою разумѣется, что все это нисколько не мѣшаетъ относиться съ одобреніемъ къ искусству художниковъ, съ успѣхомъ работающихъ по разукрашенію лучшихъ твореній литературы. Но такія книги издаются для однихъ только вельможъ..

Роскошь искусства представляется намъ каждодневно подъ новыми увлекательными видами. Гравировальное искусство подаетъ руку типографскому. Эти два соединенныя производства исчерпываютъ все, что можно исполнить по этой части. Они безпре-

*) De imitatione Christi, libri IV. Parisiis, e typographia regia, 1640 in fol.

**) Fables Choisies, Paris, Saillant, 1755, avec des figures sur les dessins d'Ouvri, gravées par Cochin. Chabisa parva, magna e maxima.

станно снабжаютъ записныхъ библіофиловъ новыми предметами искушенія.

По мѣрѣ того, какъ художники обнаруживаютъ свой геній, у любопытныхъ является постоянно возрастающая жадность ко всему тому, что выходитъ изъ рукъ художниковъ. До такой степени щедрились на украшеніе книгъ и разнообразили эти украшенія, что книги стали по просту коллекціями эстамповъ: болѣе забавой для глазъ, чѣмъ серьезнымъ занятіемъ для ума. Повсюду аллегорическія заглавныя картинки, портреты авторовъ, фигуры, буквы съ фигурами, виньетки, символическіе знаки, гербы и символическія фигуры.

Изданіе повѣстей Боккаччіо, выпущенное въ свѣтъ въ 1761 году показываетъ до какой степени совершенства можно довести гравировку. Нужно однако удивляться, что такое старанье не употреблено на что либо болѣе достойное. *)

Ко всему этому добавляютъ богатые и щегольскіе переплеты. Все дышетъ убранствомъ и великолѣпіемъ. На крышкахъ книгъ лоснится мраморъ, разноцвѣтъ яшмы; то встрѣчаемъ опоекъ съ бугорками, украшенный лиліями и позолотой, то красный или зеленый сафьянъ, обложенный богатыми кружевами.

Золото и лазурь растрачены на всѣ стороны: ихъ не жалѣютъ ни на борты и бордюры, ни на обрѣзы. Книги съ такою виѣшностью веселятъ глазъ, льстятъ вкусу; но ихъ одежда обходится дороже ихъ самихъ.

Если-жъ они сами по себѣ драгоцѣнны, то развѣ они станутъ лучше, если обременить ихъ всеми этими вычурными украшеніями. Развѣ буду я болѣе свѣдущъ въ философіи или въ исторіи, болѣе чувствителенъ къ твореніямъ витійства, къ прелестямъ поэзіи, если вычитаю ихъ изъ книгъ, сверкающихъ гордымъ блескомъ роскоши?

Легче-ли я проникнусь сочиненіями Демосѣена, Виргилія или Боссюэта, если они будутъ облечены въ блестящую виѣш-

*) *Décameron italien français*, Londres, (Paris) 1757. 5 vol. in 8 avec des figures, par Gravelot, Cochin, Heisen et autres.

ность. Нѣтъ, я всегда предпочту видѣть этихъ знаменитыхъ авторовъ въ простомъ и скромномъ одѣяніи: отворачиваясь отъ чудесъ искусства, къ которымъ я не смѣю притронуться, подъ опасеніемъ оставленія на нихъ слѣдовъ своего дыханія, я привяжусь къ книгамъ, которыми я буду пользоваться и которыхъ я могу позволить себѣ читать безъ особеннаго за ними ухаживанія. Кто поставилъ себѣ цѣлью приобрѣтеніе познаній или хотя одно только удовольствіе чтенія, не особенно падохъ, подобно мальчишкамъ, на картинки.

Къ рѣдкимъ, дорогимъ книгамъ притрогиваются съ благоговеніемъ, ихъ раскрываютъ только для того, чтобъ дать имъ полюбоваться и сохраняютъ ихъ съ твердою рѣшимостью, никогда ихъ не читать. Такъ не называйте же ихъ книгами, дайте имъ другое названіе.

Но если при этихъ румянахъ, подъ этой-внѣшней прикрасой, самое содержаніе книгъ посредственное и вздорное, то какое общее названіе имъ дать? Не довольно-ли здѣсь причинъ, жалѣть о примѣненіи такого великолѣпія и считать это злоупотребленіе рѣшительнымъ признакомъ развращеннаго вкуса...

Напрасно изощряетесь въ прикритіи недостатковъ посредственности иныхъ сочиненій, облекая ихъ въ пышное одѣяніе, щеголяя совершенствомъ изданія и гравюръ. Стоитъ только поближе къ нимъ присмотрѣться и иллюзія исчезнетъ. Этимъ вамъ также легко удастся отвести глаза, какъ выставкой несчастныхъ рабовъ, увѣнчанныхъ цвѣтами или куртизанокъ, убранныхъ дорогими одеждами и брилліантами, предназначенными для дамъ высшаго круга. Согласитесь, что каковы бы ни были эти книги, такое убранство ничего не прибавитъ къ ихъ достоинству и ничего не измѣнитъ въ мнѣніи о нихъ знатоковъ.

Что сказать о шкафахъ, гдѣ всѣ эти книги разставлены въ чинномъ порядкѣ; гдѣ блескъ позолоты и лаку соперничаетъ съ красотой рѣзца и великолѣпнымъ сочетаніемъ алебаstra и бронзы?

Сенека сильно негодовалъ на тонкихъ любителей

книгъ. Онъ приписывалъ это любопытство больше необузданному влеченію къ роскоши и суетному подражательству, чѣмъ стремленію къ образованію, уваженію хорошихъ сочиненій.

Не думайте, что эти полки, до нельзя разукрашенныя, вызваны благоговѣніемъ къ литературѣ, что забота о тщательномъ и изящномъ размѣщеніи этого набора богатыхъ переилетовъ— есть дань или родъ богопочитанія, оказываемаго ихъ авторамъ. Нисколько. Это не болѣе какъ мавзолей, триумфальныя арки, поставленныя библіоманомъ своему курьезному тщеславію.

Жаль мнѣ васъ, о свѣтила первыхъ вѣковъ учености! Язычники, вы не переставали проповѣдовать противъ роскоши и изиѣженности; вы предписываете, какъ живымъ примѣромъ, такъ и въ сочиненіяхъ—воздержность, умѣренность, пренебреженіе богатствами, золотую посредственность... Вы бы не мало испугались, если-бъ, увидавъ весь этотъ церемоніаль, нашли-бъ межъ ними собственныя сочиненія въ такомъ мишурномъ блескѣ.

На самомъ дѣлѣ, ничто столько не заслуживаетъ стоическаго презрѣнія философа, сколько обвѣшиваніе книгъ мишурой. О химерическая прикраса, высокопарныя мелочи, суетныя произведенія фантазіи, не перестающія появляться подъ тысячью видовъ, которые въ сущности не что иное, какъ жеманство и мальчишество.

Не стану описывать здѣсь подробности всѣхъ припадковъ, всѣхъ щелкушекъ, коньковъ и дурачествъ библіоманіи, чтобъ самому не попасть въ дураки. Лучше ужъ запасусь крѣпкими карандашами и яркими красками для изложенія опасностей представляемыхъ этой страстью.

ГЛАВА IV.

Чѣмъ далѣе подвигаемся впередъ, тѣмъ дѣло становится серьёзнѣе. Оно перестаетъ быть смѣхотворной причудой. Приходится нападать на разрушительную страсть, остановленіе теченія которой весьма важно... Давно уже кто-то сказалъ, что большая книга, большое зло: *magnus liber magnam malum*. Это изрѣченіе еще болѣе можно примѣнить къ большой кучѣ книгъ. Сколько пожрала эта болѣзнь богатыхъ наслѣдій! Сколько было людей, которые, приведши свои дѣла въ самое ужасное положеніе, единственно благодаря какому либо необузданному влеченію, отказывали себѣ за тѣмъ въ самыхъ необходимыхъ издержкахъ по собственному бюджету, въ ближайшихъ потребностяхъ жизни, чтобы поставить себя въ возможность нести расходы на поддержку обширной библіотеки. *)

Число этихъ жертвъ библіоманіи весьма значительно. Одержимые страстью къ прекрасному, они переступаютъ за границы своихъ средствъ: за тѣмъ слѣдуетъ отказываніе себѣ въ самомъ необходимомъ; за тѣмъ постыдное паденіе.

Въ Парижѣ часто бываетъ публичная продажа книгъ, приобрѣтенію которыхъ ихъ первые владѣльцы обязаны своимъ разореніемъ. Эти ненасытные вѣтренники, библіоманы, добиваются подъ конецъ до того, что должны отдать въ руки своихъ кредиторовъ то, что имъ такъ дорого обошлось и чѣмъ они такъ не долго пользовались.

*) *Μέγα βιβλίον μέγα κακόν.*

Callimach apud atten. lib. 3. Cap. 1.

Вотъ къ чему ведетъ увлеченіе вкусами, если не умѣть ихъ осилить и себя ограничить. Это впрочемъ еще не самыя большія *камни* библиоманіи. Одержимые ею должны опасаться еще другихъ подводныхъ камней, о которые довольно часто разбиваются и разумъ и религія.

Прежде всего *религія*: ибо для умнаго человѣка нѣтъ ничего постыднѣе капризнаго собиранія и отбиранія книгъ страннаго рода, изъ которыхъ ничему не научишься, ничего не извлечешь, что могло-бы обогатить умъ, ничего даже для развлеченія скромнаго читателя.

Мы не безъ основанія трактуемъ объ этой склонности развращеннаго ума, которой преданы нѣкоторые библиоманы. Мы видимъ у нихъ полныя коллекціи всего того, что печать произвела самаго гротесковаго, самаго суетнаго и самаго сатирическаго.

Все есть въ этихъ коллекціяхъ: басни, рассказы, романы, рыцарскіе повѣсти, любовныя приключенія, легкіе стишки, каскадные куплеты, красныя словца, сальности, магія; волшебство, гаданіе, скандальныя процессы, сплетни, пасквили и пропасть разныхъ другихъ произведеній необузданной фантазіи и цинизма.

Сбродъ, собранный кривымъ умомъ. Суетная слава имѣть все, не исключая и самыхъ презрительныхъ отраслей, заставляетъ все принимать, все допускать въ произведеніяхъ, которыхъ самое ужъ невинное свойство—легкомысліе.

Отъ привычки быть снисходительнымъ при выборѣ книгъ, изъ вниманія къ странной красотѣ изданій, изяществу переплетовъ, красотамъ слога и другимъ прелестямъ, представляемымъ сочиненіями, равно къ репутациі ихъ авторовъ, библиоманы доходятъ до того, что *все* себѣ позволяютъ; не видятъ болѣе ни въ чемъ ни опасности, ни предосудительности.

Вотъ является въ публикѣ какое-либо сочиненіе подъ эгидой новости. Сначала сочиненіе это волнуетъ скромность читателя смѣлыми выходками, затѣмъ мало по малу начинаетъ становиться для него терпимымъ и сходить съ рукъ.. Второе про-

чтеніе прошло какъ по маслу. Читатель почти ужъ начинаетъ упрекать себя, что былъ слишкомъ воспріимчивъ и слишкомъ щепетиленъ. Начинаютъ даже говорить, что, вотъ это по истинѣ *мыслящій* писатель; все въ этомъ сочиненіи дышетъ оригинальностью, вотъ такъ *философъ* сочинитель. Однимъ словомъ, сочиненіе это, съ перваго взгляда показавшееся подозрительнымъ и дѣйствительно заслужившее такого отзыва со стороны цѣльнаго и здравомыслящаго читателя снискиваетъ себѣ постепенно, благодаря предразсудкамъ и привычкамъ, общее уваженіе.

Незамѣтнымъ образомъ изъ одной пропасти попадаютъ въ другую. Человѣкъ, не заботящійся о почитаніи своей религіи, не имѣющій рѣшимости отказать себѣ въ томъ, что религіею запрещено, скоро оставляетъ безъ вниманія и нравы и религію. Такъ безумная страсть къ книгамъ часто вовлекаетъ въ развратъ и въ невѣріе.

Въ числѣ даже не запрещенныхъ книгъ, есть очень мало такихъ, которыя безъ вреда могутъ всѣ читать. Есть очень много такихъ, которыхъ чтеніе противно благочестію и затрогиваетъ стыдливость. Ни къ чему не приведетъ предвареніе любопытныхъ читателей, что въ такомъ то мѣстѣ книги таится подъ цвѣтами, артистически собранными—самый тонкій смертельный ядъ; эти предваренія не болѣе, какъ подстрекательство любопытства, какъ поводъ къ закупкѣ всего безъ разбору, чтобъ все безъ разбору читать.

Стоить только запретить продажу какой нибудь книги, чтобы посодѣйствовать большому распространенію ея въ публикѣ, а съ тѣмъ доставленію издателю большихъ доходовъ. Хотите ли поднять цѣну на какую либо книгу, то вѣрнѣйшее къ этому средство, попытаться остановить ея обращеніе. Но, скажутъ, книга эта вѣдь не стоитъ вниманія людей вкуса и еще менѣе вниманія честныхъ людей. Ничего не значить: она продается съ украдкой, а этого достаточно, для того, чтобъ всѣ за нее хватались.

По жадномъ поглощеніи всѣхъ этихъ брошюръ, всѣхъ этихъ насъ наводняющихъ вольныхъ произведеній, за распространеніемъ

которыхъ трудно услѣдить, что произойдетъ, если не вѣтеръ въ головѣ и не одни гибельныя впечатленія на сердце: обыкновенныя послѣдствія такого чтенія, котораго малѣйшимъ отрицаніемъ былъ-бы упрекъ въ потерѣ времени.

Пусть проповѣдники кричатъ во всеуслышаніе противъ такого безобразія.

Охарактеризовавъ различные эксцессы по библіоманіи, постараюсь обозначить въ нѣсколькихъ краткихъ чертахъ предохранительныя средства противъ этого зла.

Мнѣ, разумѣется отвѣтять, что я слишкомъ строго отношусь къ предмету, что мои очерки преувеличены и что приводимые мною примѣры слишкомъ мало извѣстны. Найдутъ, можетъ быть, въ моихъ рѣчахъ грубый деревенскій тонъ и варварство, относящееся съ завистью къ дарованію, стремящееся къ низведенію на низкую степень наукъ и искусствъ, къ отнятію смѣлости у соревнованія, къ поощренію невѣжества и праздности.

Я долженъ оправдать себя отъ всѣхъ этихъ упрековъ; и прежде всего я скажу, что критика моя не содержитъ въ себѣ ничего излишняго. Призываю въ свидѣтели ученыхъ, въ особенности живущихъ въ большомъ свѣтѣ, въ большихъ городахъ. Они согласятся, что мои изображенія сняты съ натуры. Они скажутъ, что часто находили въ обществѣ оригиналовъ мною очерченныхъ и что ихъ число увеличивается съ каждымъ днемъ.

Большую часть этихъ очерковъ я почерпнулъ въ сочиненіяхъ древнихъ философовъ объ этомъ предметѣ. Можно видѣть по приведеннымъ мною цитатамъ, что если иногда я и не передавалъ буквально ихъ выраженій, удаляясь отъ текста, я только смягчалъ впечатленіе или ближе примѣнялся къ нашимъ нравамъ. Но я полагалъ, что слѣдуетъ опираться на ихъ авторитетъ, для того, чтобъ сильнѣе поднять голосъ въ святилищѣ музъ противъ позорнаго злоупотребленія.

При всемъ томъ полагаю, что не перешелъ за границу умѣренной критики.

Благоразуміе, скромность, воздержанность, которую я ставлю въ необходимое условіе при всякомъ серьезномъ дѣлѣ, коренятся въ разумѣ, проповѣдуютъ философическія истины, предписываютъ порядокъ, правила благопристойности и честности.

Отъ души почитаю тѣхъ, которые занимаются литературой. Одобряю все, что способствуютъ прогрессу знанія, усовершенствованію дарованій; мнѣ не безизвѣстно, что книги доставляютъ имъ самую большую поддержку, что книгопечатаніе есть самое вѣрное средство сдѣлать эту помощь скорою, легкою и всеобщю.

Я очень хорошо знаю, какаго вниманія заслуживаютъ мастерскія произведенія печати, которыхъ красота и корректность такъ пріятно на насъ дѣйствуетъ. Я всегда любилъ книги и любителей книгъ, но еще болѣе я люблю правду: *Amicus Plato, magis amica veritas*: чѣмъ болѣе я уважаю полезную вещь, тѣмъ болѣе я жалѣю о злоупотребленіи этой вещию.

Если правда то, въ чемъ никто не сомнѣвается, что ученіе просвѣтляетъ душу, что оно направляетъ разсудокъ, что оно школа добродѣтели—легко-ли перенести, чтобъ книги, составляющія средства къ ученію, органъ истины и науки, ставали бесполезною мебелью, двусмысленными значками знанія или же орудіями нападенія, устрашеніемъ разума, оружіемъ, которымъ осмѣливаются воевать противъ того, что заключается въ божественныхъ и человѣческихъ законахъ самаго почтеннаго.

Для чего интересоваться книгами и при томъ ничего не знать?

Для чего ученіе, если не для того, чтобъ стать лучшимъ и, слѣдовательно, счастливымъ? Къ чему питаться философскими истинами и удивляться прекраснымъ подвигамъ великихъ людей, если самимъ не упражняться въ однихъ и не подражать другимъ. Именно люди ученые, болѣе другихъ привыкшіе размышлять и должны подавать примѣръ умѣренности во вкусахъ и приличія въ обычаяхъ.

Если тщеславіе и роскошь наводнили бы всѣ профессіи,

заразили бы всё состоянія, то классъ ученыхъ долженъ бы составить исключеніе въ этой заразѣ. Они то и должны болѣе всѣхъ бояться впасть въ странное и прихотливое почитаніе книгъ.

Я лично сознаю и испыталъ самъ опасность эту. Это признаніе кажется, даетъ мнѣ право, обозначать подводные камни этого фарватера. Мореходецъ, спасшійся отъ кораблекрушенія охотно рассказываетъ объ опасностяхъ бурнаго моря. Любопытный но неблагоразумный путешественникъ, на пути своемъ подвергавшійся тысячѣ случайностей, предупреждаетъ встрѣчныхъ о засадахъ и пропастьяхъ, лежащихъ на пути. Было бы весьма несправедливо хотѣть запретить игроку, проповѣдывать противъ игры; если онъ имѣетъ причину жаловаться на игру.

Склонность, которую я чувствовалъ въ себѣ всегда къ библиоманіи все таки не помѣшали мнѣ ознакомиться съ ея опасностями. Обученный собственнымъ опытомъ я призывалъ въ помощь разумъ.

Проповѣдую болѣе себѣ самому чѣмъ другимъ.

Заключимъ изъ всего мною сказаннаго, что библиоманія есть шутовская шапка на всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ ни расположенія, ни надлежащей охоты, серьезно пользоваться книгами; что люди ученые и знатоки предаются бессмысленному излишеству, если собираютъ всё отдѣлы, всё матеріалы, которые одинъ человѣкъ не можетъ осилить; что эти сборы, доведенные до роскоши, до великолѣпія—явленіе необузданной страсти къ рѣдкостямъ и предметъ разоряющаго мотовства; что вычурный вкусъ, отдающій предпочтеніе нѣкоторымъ сочиненіямъ, дышущимъ суетностью и вольнодумствомъ есть извращеніе ума, ненавистное и презрѣнное искаженіе сердца, достойныя законнаго преслѣдованія правительства и церкви.

Первое и главное назначеніе книгъ идетъ совершенно въ разрѣзъ со всѣми этими излишествами; они существуютъ для того, чтобъ озарять нашу душу свѣтомъ знанія, исправлять наши нравы, а не для того, чтобы искушать насъ и ставить наши обычаи вверхъ ногами; ихъ настоящее достоинство не зави-

сигь ни отъ ихъ многочисленности, ни отъ придѣланныхъ украшеній, а единственно отъ ихъ содержанія.

И такъ будемъ довольствоваться тѣми изъ нихъ, которыхъ чтеніе, при краткости нашей жизни и предѣлахъ нашего дарованія, намъ доступны. Добавимъ къ нимъ еще книги, къ которымъ должны прибѣгать за совѣтомъ по разнымъ предметамъ нашихъ ежедневныхъ занятій. Предпочтемъ отборное качество излишнему количеству. Самыя драгоцѣнныя по виду и самыя разукрашенныя часто бываютъ наименѣе полезныя. Ограничимся правильными изданіями и прочными переплетами.

Мы должны находить въ книгахъ путь къ образованію и къ разумному душеполезному развлеченію. Человѣку необходимы серьезныя занятія, предаваться имъ — его прямой долгъ. Ему нужны тоже законныя развлеченія.

Но чѣмъ бы онъ не занимался, занятія его во всякомъ случаѣ должны быть разумно управляемы. Книги исключительно пріятнаго содержанія содержатъ наравнѣ съ серьезными, полезными уроки для прямыхъ сердецъ и неразвращенныхъ умовъ.

Послушаемъ моралистовъ, прививающихъ намъ истину то путемъ правилъ и примѣровъ, то путемъ кроткихъ убѣдительныхъ совѣтовъ, а иногда чрезъ пріятное разумное развлеченіе. Поймемъ, что для нашего же спокойствія мы должны презирать суетное тщеславіе и исканіе излишества; поймемъ, что мудрецъ не гонится за количествомъ и блескомъ, а довольствуется качествомъ и насущными потребностями.

На самомъ дѣлѣ, имѣть то, что нужно, значить быть богатымъ. Безпрестанно-же копить и никогда не переставать желать еще большаго — настоящая бѣдность. Разъ пріобрѣтено необходимое и полезное, остальное затѣмъ можетъ только поражать заботы, разочарованіе и нерѣдко — раскаяніе.

Пока человѣкъ напрягаетъ умъ надъ разработываніемъ проектовъ и старается постоянно удовлетворять жаждѣ пріобрѣтенія, уходитъ жизнь: онъ дѣлается неспособнымъ на-

слаждаться и векорѣ преимущество владѣнія пропадаетъ рядомъ съ возможностью имъ пользоваться.

И такъ будемъ пользоваться книгами съ осторожностью, если хотимъ пользоваться лучшими ихъ плодами. Они лекарство противъ порока и невѣжества, лекарство, превращающееся въ ядъ, если употреблять его не согласно съ предписаніемъ.

Счастливы, кто останавливается на хорошемъ выборѣ. Счастливы и недозволяющій себѣ наслажденія, недопускаемаго разумомъ и добродѣтелю

Снаряженный этой предусмотрительностью, кто любитъ ученіе, находить въ нѣсколькихъ хорошихъ книгахъ благородное развлеченіе и невыразимое удовольствіе. Что можетъ ему нравиться болѣе этого?

Оно разомъ освобождаетъ отъ скуки и отъ дурныхъ послѣдствій праздности. Скажемъ вмѣстѣ съ Цицерономъ: Они доставляютъ юности самую отборную пищу: *adolescentiam alunt*; солиднѣйшимъ образомъ услаждаютъ старость: *senectutem oblectant*; ихъ умѣренное употребленіе возвышаетъ безбѣдное существованіе: *secundas res ornant*; они составляютъ бальзамъ и утѣху въ несчастіи: *adversis perfugium et solatium praebent*; составляютъ уладу обиденной жизни, не мѣшая общественной дѣятельности: *delectant domi, non impediunt foris*; они раздѣляютъ нашъ досугъ въ бессонницу, они наши вѣрные спутники въ дорогѣ и за городомъ: *pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur* *).

Въ особенности книги доставляютъ чистое наслажденіе за городомъ и въ уединеніи: тамъ въ великолѣпной тиши природы и при хорошемъ отборномъ чтеніи, воздымается въ насъ тихій долго почившій голосъ, призывающій насъ къ намъ самимъ, напоминающій намъ наши заблужденія, обучающій насъ нашему долгу. Въ этомъ *тихомъ* убѣжищѣ музъ, какъ сладко предаваться вдохновенію! Посреди природы какъ-то свободно думаетъ

*) Cicer. pro Arch poët. num. 7.

ся о величии природы; здѣсь какъ-то свободнѣе и вольнѣе изучается она, при помощи книгъ, толкующихъ ея тайны.

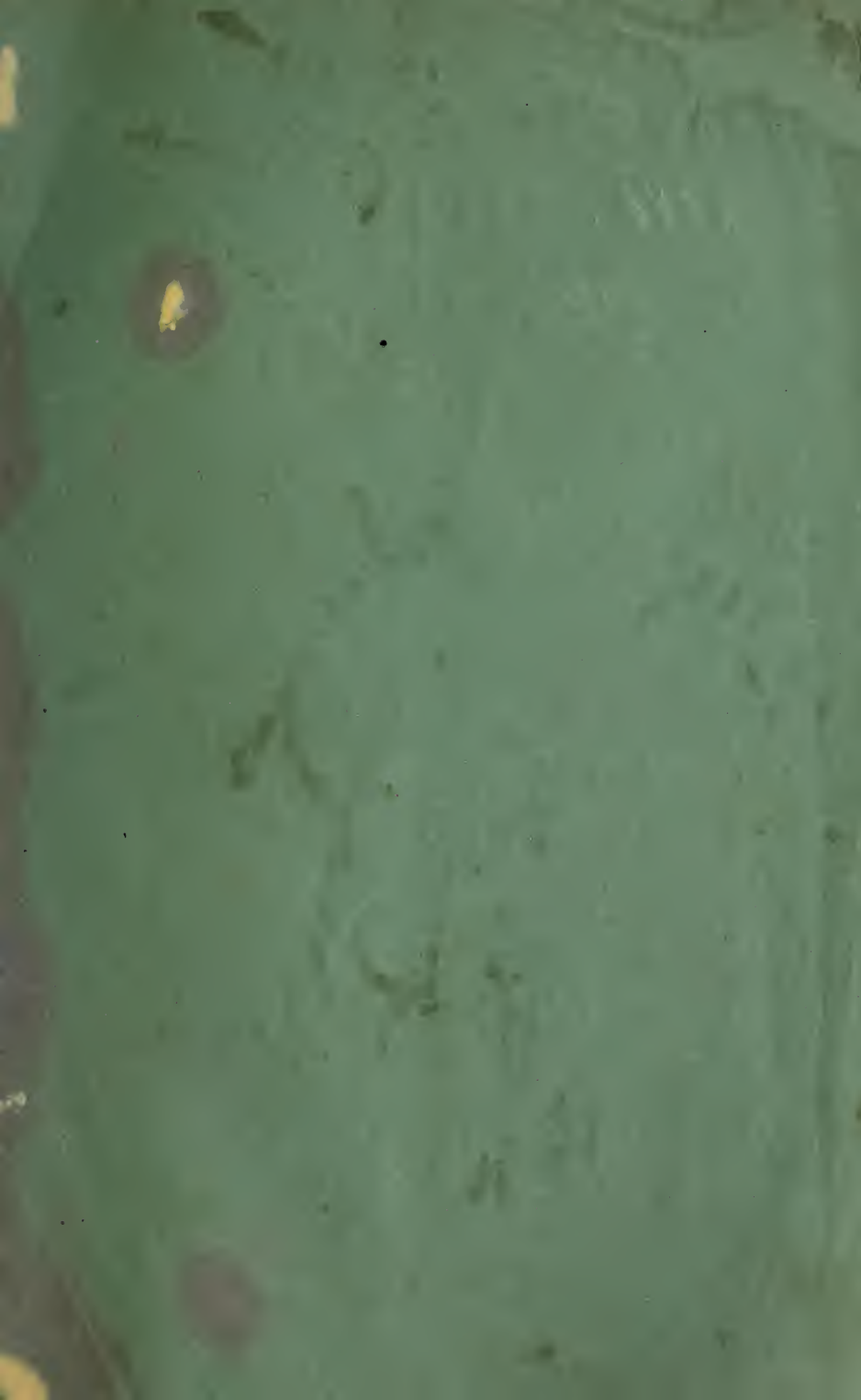
Мы испытываемъ неописанный восторгъ въ удаленіи отъ городского шума, отъ суеты дѣловой, отъ разговора съ людьми, часто вздорнаго и неудобнаго, бесѣдуемъ съ знаменитостями древности, у нихъ учимся разсуждать и мыслить, запасаемся ихъ совѣтами. *Si hortum cum bibliotheca habes, nihil deerit***).

Такъ очистимъ-же любовь къ книгамъ отъ сорныхъ травъ библіоманіи, бросимъ шутовскую шапку, смѣшной конекъ и опасную страсть.

КОНЕЦЪ.

*) Cicero. ad Famil. lib. 9. ep. 4.

51

~~1000000000~~

1546.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ города Одессы и у
М. Альберта на Итальянской улицѣ, въ домѣ О. И. Альберта.